

Елена Безрукова

# МОЙ ТРЕНЕР

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1  
ББК 82(2Рос-Рус)6  
Б40

**Безрукова, Е.**

Б40      Мой тренер / Е. Безрукова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUIGRAM, 2021. — 336 с. — (Сложная любовь).

ISBN 978-5-521-90081-7

Властным движением руки тренер поднял мой подбородок и взял мои губы. Поцелуй был жадный, взрослый и даже грубоватый. Его язык вынудил меня дать ему пространство и выписывал внутри меня восьмерки, от которых тело бросило в дрожь.

— Уходи, — сказал он хриплым голосом, нехотя оборвав поцелуй. — Сейчас. Иначе будет поздно.

— Нет, — проявила я настойчивость. — Я хочу... чтобы было поздно.

— Я не смогу остановиться, Соня, — прорычал он мне в шею, впиваясь пальцами в бёдра.

— Уходи сейчас же.

— Не надо... Не надо останавливаться. Я этого хочу, Камиль.

— Глупая ты девчонка! Ты будешь об этом жалеть, — сказал он. — Это ничего не изменит между нами. Я не останусь. Ни здесь, ни с тобой, ни вообще.

— Я всё равно хочу. Поцелуйте меня ещё, Камиль Наилевич...

BIC FA  
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90081-7

© Елена Безрукова, текст, 2021  
© Ярослава Савицкая, обложка, 2021  
© Т8 RUIGRAM, 2021  
© Т8 Издательские технологии, 2021

## ПРОЛОГ

Громко захлопнула металлическую дверцу шкафа и прижалась к ней лбом, тяжело дыша. Из глаз лились слёзы обиды, как бы я ни старалась себя держать в руках. Даже тренировка не выветрила из головы грустные мысли. Ещё и тренер постоянно ругал меня и одёргивал за несобранность, не добавляя мне этим настроения.

Я не пойду домой. Не хочу идти туда, где столько лет, глядя в глаза, мне лгала моя семья. А семья ли мы теперь? Не знаю.

Где жить, найду завтра. Наверное. А сегодня... Сегодня переночую прямо здесь, на жесткой лавке. Спряталась от охраны в душевой, дождалась, пока все уйдут, и вышла. Лягу на чистых полотенцах. Уже разложила их на лавочке, имитируя постель.

До чего ты докатилась, Соня... У тебя даже дома больше нет. Жалость к себе заполнила до краёв, грозя выплеснуться за пределы, но я лишь негромко плакала в одинокой раздевалке...

Скрипнувшая дверь за спиной заставила вздрогнуть и обернуться. На меня смотрел тренер своими пробирающими насквозь серыми глазами. Пospешила утереть слёзы и отвести взгляд. Терпеть не могу, когда меня жалеют и видят мою слабость. Хотя этот, скорее всего, просто выгонит меня отсюда.

— Тренировка давно окончена, Ланская. Что ты делаешь в раздевалке?

Что и требовалось доказать...

— Извините, я уже ухожу.

— Ты что — собиралась тут ночевать? — изогнул он бровь, заметив мою импровизированную постель на сегодня.

Молча опустила голову, поняв, что мой план с треском провалился, и теперь я совсем не знаю, куда идти. Закинула на плечо джинсовый рюкзак и попыталась пройти мимо, но Камиль загородил собой дорогу. Нерешительно остановилась возле него, не желая поднимать заплаканное лицо к нему, надеялась, он сам все поймёт и пропустит меня в коридор. Неожиданно горячие сильные пальцы взяли мой подбородок и потянули вверх, вынудив меня посмотреть в бездну серых глаз. Несколько секунд он смотрел мне в лицо, а потом опустил руку.

— Пойдём, — он развернулся и вышел в коридор первым, придерживая дверь для меня.

— Куда? — удивилась я.

Камиль молча продолжал сверлить меня взглядом, и мне не захотелось спорить. Я вышла вслед за ним, он отпустил дверь, и мы вместе зашагали по коридору. Я не понимала, куда тренер ведёт меня и зачем, но покорно шла, будто заколдованная его сумасшедшей энергетикой. Он привёл меня в тренерскую, где в такое позднее время уже никого не было. Только он и я. И это будоражило...

— Садись, — кивнул он на свободное кресло у окна.

Так же послушно я опустилась на мягкое сидение, все ещё не понимая, что я тут делаю.

Камиль включил на подоконнике электрический чайник и обернулся ко мне.

— Чай или кофе?

— Спасибо, я не хочу, — вежливо отказалась я.

Что он хочет от меня, не понимаю?

— Чай или кофе? — повторил Камиль.

— Кофе.

Тренер наполнил две чашки ароматным напитком. Одну поставил передо мной, со второй сел в кресло рядом. Нас разделял чайный столик, но мне казалось, что он сидит совсем близко, так опалило жаром щёки. Мне тяжело находиться в его обществе, да ещё и наедине...

— Пей, — указал он глазами на кофе и отпил своего.

Чтобы не казаться невежливой, пригубила пару глотков и вернула кофе на место. Сейчас мне ничего в горло не пойдёт, даже столь любимый мной напиток. Серые глаза напротив прожигали насквозь и заставляли нервничать. Ледяные пальцы сложила на коленях, чтобы хоть как-то занять свои руки.

— Почему ты плакала? — спросил Камиль негромко.

Безобидный, в общем-то, вопрос вдруг вызвал во мне шквал эмоций. Это логичный вопрос от мужчины к плачущей девушке, но почему-то именно от Камиля я не ожидала получить участия. Неужели ему в самом деле интересны мои беды? Удивлённо подняла на него глаза и поняла, что не смогу сказать. Просто не смогу, и все. Какое я имею право грузить постороннего человека своими переживаниями?

Встала на ноги, вернув на место упавший с плеча рюкзак.

— Есть причины. Простите, это личное. Спасибо за кофе, я пойду. Не хотела бы вас задерживать. И...

Он тоже встал, и я прервалась на полуслове. Камиль подошёл ближе и заглянул в глаза. Дышать стало тяжело, будто подушку на нос положили. Жарко и неловко. Запах его парфюма заполнил собой лёгкие. Он

взял в пальцы мой подбородок, заставляя посмотреть на него. Зачем он так делает?

— Ты снова плакала из-за него? — низкий голос пробрал до самых костей, его брови хмуро сошлись на переносице.

— Нет, — покачала я головой, не понимая, почему мне хочется пояснить. Пальцы на моём лице путали мысли. — Он тут ни при чём. С ним история закрыта. Это... это семейное.

Большие горячие ладони легли на мою талию. Вздрогнула и ошалело уставилась в лицо тренера. Камиль не оборвал контакт, мужские пальцы стали мягко сжимать меня, а его губы оказались так близко, что я чувствовала на своих тёплое дыхание. Меня будто парализовало, не могла ни двинуться с места, ни отвести взгляд в сторону. Мне бесстыдно нравилось ощущать его на себе, я хотела, чтобы этот миг длился как можно дольше... Страх, волнение от близости Камиля, желание поцелуя — всё смешалось, и меня бросило в дрожь. В серых глазах загорелось алое пламя, грозя сжечь меня совсем...

Не может быть! Тренер хочет меня... поцеловать?

— Опять нормально не поела? — услышала я голос мамы позади себя.

Обернулась и увидела, как она с неодобрением смотрит на мой салат с зеленью и морковь.

— Ма, — вздохнула я. — Не начинай. Я берегу фигуру, ты же знаешь.

— Соня, ты же спортсменка у нас. Как ты собралась бороться за медаль, если ничего не ешь?

— Только ужин лёгкий, — отмахнулась от неё. — Перед тренировкой нельзя наедаться.

— Какие ещё медали? — раздался с лестницы голос отца.

Вот услышал же... Сейчас начнёт лекции читать и мне, и маме. Закатила глаза, пока отец не видит. Мама же молча прикусила губу.

— Лиза, о какой медали вы говорили? — не сдавался папа, решивший во что бы то ни стало докопаться до правды.

— Обычная медаль, Кирилл. За победу в соревнованиях, — ответила ему мама.

Отец уселся во главе стола, прищурил глаза и бегал взглядом то по ней, то по мне.

— Соня, ты опять за своё?

— Нет, папа, — вздохнула я. — Это просто соревнования по региону.

Да, опять за своё. Не отступлюсь, но и ему об этом не скажу — себе дороже. Пусть не знает, что я тайно готовлюсь к отборочным соревнованиям на уровне области, а потом и России, если мне улыбнется удача.

— Мы с тобой уже говорили об этом, дочь, — папа строго смотрел на меня поверх очков, грозно размешивая сахар в стакане с чаем.

— Я помню, папа, — снова ответила я заученную фразу. — Сначала я доучиваюсь, где ты сказал, а потом делаю, что хочу. Хоть танцую, хоть пляшу.

Только после университета в двадцать с небольшим в фигурном катании делать уже нечего. Высот достигают только молодые, которые занимаются этим с детства. И я не хочу прерываться из-за учебы на экономическом факультете, который мне навязал папа. Мне стоило больших трудов отвоевать возможность продолжать заниматься в нашем ледовом дворце после школы. Совмещать тренировки с парами и экзаменами оказалось нереально трудно, но зимнюю сессию я уже пережила. Значит, переживу и другие. Хотя когда думаю, что впереди ещё таких же напряженных четырёх с половиной года до диплома, мой глаз начинает нервно дёргаться...

— Я очень надеюсь, что ты меня не разочаруешь, — изрёк папочка и потянулся за круассаном. — А мама не станет тебе помогать свернуть с пути истинного.

Ещё один острый взгляд серых глаз устремился на маму. Та продолжила как ни в чем не бывало дальше листать ленту новостей в своём смартфоне.

— Не желаю, чтобы моя дочь неучем скакала, а в тридцать лет сошла со льда в какие-нибудь заурядные тренеры...

Он принялся жевать свой круассан, оставшийся довольным моими ответами. Да уж, бороться за своё будущее под носом у такого родителя сложно, но я справляюсь. Мама, кстати, на моей стороне. Если отец пронюхает, что она мне помогает — мы обе получим по заднице и будем стоять в углу. Тряхнула головой. Ничего. Прорвёмся. Нас мало, но мы в тельняшках.

Звонок смартфона заставил меня закончить грустные думы и принять вызов.

— Да.

— Приветики, — донёсся до меня из трубки голос подруги Насти, а заодно и коллеги по спорту. — На тренировку когда выдвигаешься?

— Да сейчас уже и еду, а что? Ты уже соскучилась?

— Безумно, — ответила она. — Так вышло, что раньше пришла, теперь скучаю. Давай, подкатывайся.

— Ладно, — усмехнулась я. — Смотри, не помри до моего приезда со скуки.

Повесила трубку и встала из-за стола. Убрала за собой посуду и уже хотела взяться за сумку.

— Всё? Побежала опять скакать?

— Да, папа.

— А уроки сделала?

— Да, папа.

— Ну, тогда скачи, скачи... Лучше бы в кино сходила, чем себя истязать. Без толку.

Вот ведь ворчун... С годами всё ворчливее и ворчливее. Как только мама за него замуж вышла и двоих детей родила? Хотя в молодости папочка был полный улёт, что называется — красавчик, пилот авиации... Да и сейчас, в свои сорок восемь, очень даже ничего.

— Ты же сам спортом занимался. Помнишь? — изогнула я бровь. — И не считал, что часы, проведён-

ные с баскетбольным мячом, прошли впустую. Папа же классно играл, мам?

— Ой, да, — мамино лицо озарила мягкая улыбка, едва она вспомнила их с папой юность. — Я обожала, когда Кирилл брал меня на соревнования. Он был самым лучшим игроком и капитаном команды.

— Ну ладно тебе, — повёл плечом папа, хотя было очевидно, что ему приятно слышать, что мама говорит о нем с такой любовью. — И чем в итоге закончилось? Ничем. Я оставил спорт и пошёл учиться.

Папа поучительно поднял вверх палец, и я поджала губы. Да, согласна, сравнение неудачное...

— Ну ладно, хорошего вечера. Мне пора.

Поцеловала маму в щеку, папу приобняла, на что он якобы недовольно цыкнул, и, схватив сумку с дивана, пошла обуваться. Перед самым носом дверь распахнулась сама.

— О, систер! Уже побежала драть лёд коньками?

— Да, Мир.

— А я думал, ты мне поможешь с алгеброй, — тут же расстроился младший брат.

— Не наглей. Давай сегодня как-нибудь сам.

Мирослав добрый малый, и мне нетрудно помочь ему с решением примеров в домашнем задании, но иногда он любит садиться на шею.

— Ладно-ладно, — миролюбиво поднял он руки вверх. — Сегодня сам. Удачи на тренировке.

— Спасибо, — ответила я и хлопнула дверью.

Дорога до спортивного комплекса пролетела незаметно, тем более, что ехать на любом автобусе от нашей остановки до самого комплекса ровно десять минут. В раздевалке меня ждала Настя, уже переодетая